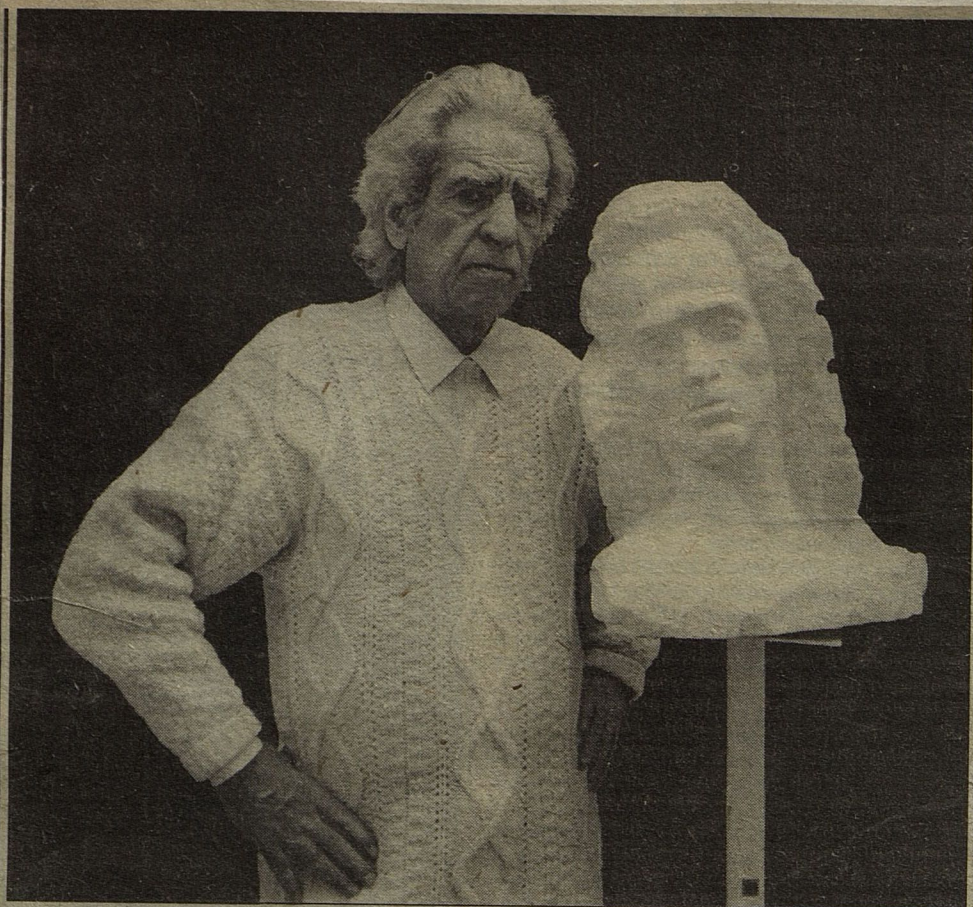

Скульптор и его мрамор

Вечер с Николаем Никогосяном

Московская новость
-1996.-14-21 апр. - с. 42

ВСТРЕЧА

Небольшого роста, очень подтянутый (хотела написать «старик», но нет – старик не подходит) элегантный мужчина с бетховенской шевелюрой. Я обратила на него внимание в концертном зале, еще не зная, кто это. И рядом – красивая высокая женщина, стройная, замечательные скулы (мастер ваял!), строгий взгляд. «Моя Этер», как выяснилось позже.

Спустя некоторое время меня пригласили на выставку Николая Никогосяна – скульптура, графика, живопись: «Если не хотите брать интервью, приходите просто так. Не пожалеете».

Представившись, иду раздеваться в «зapasник».

– Вы из дома или с работы?

– С работы.

– Тогда будем пить чай.

Говорит с сильным армянским акцентом, с ошибками.

Садимся к столу.

– Нет, садись ближе. Я могу быть ваш друг?

– Конечно, Николай Багратович.

Обмениваемся книгами: я дарю ему энциклопедию по Древнему Египту, которую перевела с английского для издательства «АСТ», он мне – свой каталог.

Вскоре становится ясно – он плохо слышит (приходится кричать), но не может смириться, не хочет в этом признаться.

Держится очень артистично, ярко.

На выставке – живопись (масло): портреты, пейзажи. Портреты известных людей и просто людей – ему интересны все. Восточный темперамент. В сарьяновском фар-

ватере и с сарьяновской наивностью. Каждый портрет – образ: его жена в ночь перед родами, жена малийского посла, буддийский священник, арлекины, мимы, Пьеро. Пейзажи – Италия, Греция, Крым; состояние: жаркий южный полдень, где время не торопится и бытия можно коснуться рукой. Еще немного акварелей и графики.

Из скульптуры – в бронзе: академик Зелинский, проект памятника Гагарину (взлетающая фигура Гагарина как бы соприкасается с падающим Икаром; эти два подвига у скульптора равновелики), проект памятника Лермонтову для Москвы («говорят, Лермонтов создал Кавказ, а я говорю, Кавказ создал Лермонтова»), проект памятника Комитасу для Еревана (отчаяние выдающегося армянского композитора после геноцида 1915 года, устроенного в Армении турками, – выхода нет, Комитас поднимает глаза к небу и теряет рассудок. Последние 16 лет он провел сумасшедшим в Париже) и... «Мой кот».

В мраморе – «Исландский пианист Арнасон» и «Лена» – нежный образ молодой девушки («Мне понравился ее нос, большой. В жизни она как будто уродка, хотела даже

делать пластическую операцию, а в скульптуре получилось красиво»).

Интервью прерывается – пришли друзья: художник Павел Шимис, его жена Марина Романовская, график Борис Алимов.

Снова садимся за стол. Свободно. Весело. Шимис вспоминает, как в советское время Никогосян выступал на собраниях в МОСХе. Можно себе представить, какое впечатление производила его яркая неправильная речь в эпоху палеолита человеческого сознания. «Меня спрашивают: Нико, почему ты всегда хорошо говоришь? А я как беременная женщина. Мысль у меня рождается в животе и развивается, а потом я прихожу на собрание и рожаю».

Народный художник СССР, лауреат Государственной премии СССР. Работал всегда очень много, очень масштабно, начиная от монументальной скульптуры и кончая мемориальными досками (Мейерхольду на улице Неждановой, надгробием Маршаку на Новодевичьем кладбище).

– Я очень люблю искусство. Наверное, оно находится у меня внутри. Я учился в балетной ереванской школе, танцевал в оперном, но отец был недоволен, и я бросил балетную школу, поехал в Ленинград. В 1937 году с большим трудом поступил на скульптурное отделение Академии художеств. Мне было очень тяжело – без денег, без крыши, без ничего, без языка. Начал хорошо учиться, уже стипендия, уже все... Потом меня выгнали. В 1941 году.

– Почему?

– За хулиганство. Ну, это не будешь писать... Я вынужден был уехать в Армению. Объявили войну. И я остался в Армении. Много работал как скульптор. В 1944 году выдвигали на Сталинскую премию (я тогда еще не понимал, что такое Сталинская премия). В 1944-м я приехал в Москву. Был ведущим скульптором Дворца Советов. Сделал проект всех силуэтов МГУ. Был главным скульптором высотного дома на площади Восстания – поставил 12 фигур из камня. Дворец науки и культуры в Варшаве – 14 статуй. Памятники армянским поэтам Налбандяну, Исаакянцу, Чаренцу, монумент погибшим воинам в селе Налбандян, где я родился... Живопись выставлю с 1950 года. Сейчас пишу рассказы, воспоминания. Об Арагоне, об академике Зелинском, об академике Алиханове, о шахматисте Ботвиннике. Они все мне позировали...

Вечером – концерт пианистки Светланы Навасардян в консерватории, и после этого «армянская диаспора» едет к Никогосяну «на хаш». Художник перестроил свою мастерскую – получился частный дом в центре Москвы по западным стандартам. Во дворе – его скульптура. Пока женщины готовят, Никогосян играет в нарды – увлеченно, искренне, так же как и все, что делает – преподает, лепит, пишет, разговаривает, даже заваривает кофе.

Напоследок Никогосян дает мне два журнала «Ной», где опубликованы его рассказы. Придуманного – ничего. И все же это – литература. А перед глазами живопись: «Чешский мим» («Он так ко мне и пришел в гриме, я его и написал, а потом у меня он умылся, смыл грим») и «Разбитый Пьеро», и я понимаю, что всеми признанный художник и в 78 лет, несмотря на раскованный манеру держаться, все еще не уверен, все еще страдает, все еще в пути...

Ольга СЛОБОДКИНА